

Л.В. Савелова

*Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия*

«Я» И «ДРУГОЙ» В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ Н.С. ЛЕСКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СРЕДНЕЙ ЭПИЧЕСКОЙ ФОРМЫ)

В статье дается классификация типов «чужого» «слова» в структуре высказывания героя Н.С. Лескова, рассматриваются типы отношений «своего» и «чужого», Я и Другого в речи персонажей, устанавливается, что введение конфликта непосредственно в структуру высказывания дает возможность Н.С.Лескову адаптировать художественные приемы прозы, лирики, драмы и документалистику.

Ключевые слова: творчество Н.С. Лескова, взаимодействие «голосов», «свое» и «чужое» слово, речь персонажа Н.С. Лескова

The article provides a classification of types of «alien», «the words» in the structure of the statements of the hero of N.S. Leskov, discusses the types of relations of the «own» and «alien», I and Another in character speech, it is established that introduction of the conflict directly in the statements gives the possibility of N.S.Leskov adapt artistic techniques of prose, poetry, drama and documentary.

Key words: works of N.S. Leskov, interaction of «votes», «own» and «alien» word, speech character N.S. Leskov.

Проблема сказового «слова» как особой сюжетно-композиционной формы авторской речи с установкой на «чужое слово» и «социально чужое мировоззрение» [2, с. 257] относительно прозы Н.С. Лескова была поставлена еще М.М. Бахтиным и с тех пор неоднократно становилась предметом внимания исследователей (работы И.П. Видуэцкой, В.В. Виноградова, М.Горячкиной, И.В. Столяровой, Е.В. Тюховой, Н.М. Федя, Б.М. Эйхенбаума и др.). В силу особой значимости коммуникативной составляющей, подчеркнутой установки на устность в структуре небольших лесковских нарративов значительный интерес ученых сегодня вызывает исследование отношений к Другому и его «слову», отношений между Я и Другим, выраженных в структуре высказывания повествователя, рассказчика и персонажа. В аспекте проблем интертекстуальности, ментальных установок и этнокультурных стереотипов данный вопрос уже рассматривался в работах Н.Ю. Даниловой, В.А. Туниманова, А.А. Горелова и О.В. Евдокимовой, Н.А. Николиной, О.Е.Майоровой, В.О. Пантина, А.А. Федотовой, М.А. Першиной и др., однако с позиции жанрово-дискурсивной специфики отношения Я и Другого в речи героя Н.С. Лескова все еще недостаточно изучены.

В повествовательной структуре небольших лесковских нарративов «слово» персонажа как внутреннее монологическое высказывание в системе речи автора-повествователя (или повествователя) внутренне идеологически ориентировано по отношению к: 1) личному «слову» других персонажей; 2) коллективному «слову», несущему в себе наиболее общие аспекты

массового сознания; 3) «слову» как следу культурной памяти (цитата, реминисценция, аллюзия и т.д.). Соотношение «своего» и «чужого» в речи героев значительно различается в зависимости от типа сознания, выступая средством развертывания их бытийной компетенции.

В художественной системе Н.С. Лескова «свое» и «чужое» «слово» соотносимо с различными по своей онтологической сути модусами человеческого существования – слуховым и зрительным. Так, уже в одном из первых художественных произведений писателя, «очерке» «Леди Макбет Мценского уезда», Катерина Львовна слышит «веселый хохот» приказчиков, песни и вкрадчивый шепот Сергея – то есть все, что относится к сфере «темных сил», но видит и описывает то, что репрезентирует ее Я – зарождающийся процесс самосознания, внутренний рост, пробуждение совести (призраки кота и своих жертв, картины природы). Рассуждения Сергея о том, «для чего песни пел» [4, с. 108], в шестой главе противопоставляются «молчанию» окружающего мира: «Тишина, свет, аромат и благотворная, оживляющая теплота» [4, с. 109]. Так убийства, провоцируемые словами Сергея, противопоставляются «оживляющей» силе природы. Зрительные образы и лживое «слово» Другого также соплагаются в кульминационный момент последней главы. Здесь «между гнусных речей Сергея» из «раскрывающихся волн» Катерине Львовне слышатся стоны, являются призраки убитых, что ставит ее лицом к лицу с вопросами бытия, заставляя сделать выбор: слушать или видеть.

Постепенно «чужое» «слово» в речи Катерины Львовны оказывается в позиции «авторитарного слова» М.М. Бахтина, которое завладевает субъектом после прямого, некритического усвоения [1, с. 155]. В этом качестве выступает не только «слово» Сергея, но и «авторитетное» «слово» среды, выраженное в стандартных и воспроизводимых формах разговорной речи и фольклора (строки из песен, поговорки, устойчивые сочетания и проч.: «Да ведь это, позвольте вам доложить, сударыня, ведь и ребенок *тоже от чего-нибудь тоже бывает, а не так же*; «Песня поется: *«без мила дружка обуяла грусть-тоска»*» [4, с. 102] (курсив мой – Л.В. Савелова)). Соблазняя Катерину Львовну, Сергей подкрепляет свою правоту словами из песни, и если репликой раньше Катерина Львовна сопротивляется: «Ну это ты... не то совсем» [4, с. 102], – то впоследствии она именно так и чувствует. В итоге происходит подмена, и на месте Я героини появляется Другой, в акте высказывания уже не обнаруживается ее субъективности – все занимает «голос» Другого. Так, в девятой главе Сергей пытается убедить любовницу, «что стал он через Федю Лямина самым несчастным человеком, лишен будучи возможности возвеличить и отличить ее, Катерину Львовну» [4, с. 123]. А в начале десятой главы читаем: «Как только прекратились о нем речи в устах Сергеевых, так засел *Федя Лямин* и в ум и в сердце Катерины Львовны... Спит ли, по хозяйству ли выйдет, или богу молиться станет, а на уме все у нее одно: «Как же это? *За что, в самом деле, должна я через него лишиться капитала?...*» (курсив мой – Л.В. Савелова) [4, с. 123]. Слова Сергея заполняют «ум и сердце», опустошают Катерину Львовну («для нее не существовало ни света, ни тьмы, ни худа, ни добра, ни скуки, ни радостей; она ничего не понимала, никого не любила и себя не любила» [4, с. 132]), делают ее «совсем уж неживым человеком» [4, с. 140]. В последней главе Катерина Львовна уже ничего «своего» произне-

сти не может: «хочет припомнить молитву и шевелит губами», но «губы ее шепчут» только слова Сергея: «как мы с тобой погуливали, осенние долги ночи просиживали, лютой смертью с белого света людей спроваживали» [4, с. 142].

Нельзя не согласиться с мнением Катрин Жэри, утверждающей, что художественная система повести «Леди Макбет Мценского уезда» амбивалентна, «постоянно колеблется между сексуализацией мира и моральным осуждением сексуальности». Катерина Львовна не просто подчиняется речевой стратегии Другого, но и обнаруживает свое Я через Другого – в том числе посредством высказываний, включающих формы гибридной речи: «Слушай же, Сережа! я там, *как другие прочие были*, ничего этого не знаю, да и знать про это не хочу; ну а только как ты меня на эту теперешнюю *нашу любовь сам улещал* и сам знаешь, что сколько я пошла на нее *своею охотою*, сколько ж и твоей хитростью...» и т.д.[4, с. 110] (курсив мой – Л.В. Савелова). Однако все более и более погружаясь в Другого и его «слово», героиня постепенно начинает отражать этот «голос», лишается самостоятельности, субъективности. Гибель души, потеря собственного Я метафорически изображается в таком акте высказывания, где уже не остается субъективного начала говорящего – все замещает «голос» Другого.

Между тем восприятие «чужого слова» не всегда является чуждым, угрожающим субъективному началу для лесковских героев. Важнейшей духовно-философской доминантой личности, с позиции писателя, выступает ее способность к диалогу. Так, в повести «На краю света» в «слове» отца Кириака «дух религиозной фантазии» местных жителей (тунгусов и якут), народные представления о «русском Боге», «который творит себе обитель “за пазушкой”» и религиозно-церковное понимание Христа находятся в отношениях дополнительности, создавая в тексте «кругозор» истинной веры. Истоки собственного «слова» Кириака коренятся в самой жизни, в собственном опыте, а не в общественных установках, что находит свое выражение и в отношении к личному «слову» других персонажей и к «слову» среды: «Сколько я лет томился, все ждал человека, с которым бы о духовном свободно по духу побеседовать, и, узнав тебя, думал, что вот такого дождался; а и ты сейчас, как стряпчий, за слово емлешься! Что тебе надо? – слово всяко ложь, и я тож. Я ничего не отметаю; ...(...)...что сердце чувствует, говорю» [5, с. 472]. Разумное «слово», говорение как способ убеждения и познания Бога, противопоставляется самим героем «слову» доразумному, вызванному к жизни внутренним зрением сердца.

По мере движения сюжета рассматриваемой повести «слово» основного субъекта речи, архиепископа, также демонстрирует динамику идеологического плана по отношению к «слову» других героев – отца Кириака и «дикаря». В начале повествования «голоса» названных персонажей противопоставлены, однако, начиная с одиннадцатой главы «слово» архиепископа, до сих пор монологическое, включает в нескольких местах переработанные и «освоенные» части фраз отца Кириака («Нет; верно прав мой Кириак: здесь печать, которой несвободною рукой не распечатаешь» [5, с. 509]; «Когда не было таких эффектов, я был покоен, что «водоносы по очереди наполняются» [5, с. 513]). Показателен диалог с «дикарем» в одиннадцатой главе, где после рассуждений «дикаря» в речи

рассказчика непосредственно идет «близкое к тому», рассуждение, «какое высказал св. Сирий соблазнявшей его прелестнице» [5, с. 507], а затем следуют сравнение собственных мнений в прошлом и настоящем. Многообразие «чужих» «слов» в данном случае не отрицается и не утверждается, а лишь укореняет и проясняет в действительности собственное «слово» рассказчика «теперь»: «Он покинул свой трюх и бежал сутки в ледяной шапке, конечно, движимый не одним *естественным* чувством сострадания ко мне, а имея также *religio*, – дорожа воссоединением с тем хозяином, «который сверху смотрит» [5, с. 509]. Таким образом, в речи центральных персонажей повести «На краю света» отношения с Другим и его «словом» формируются, исходя из принципа максимальной и активной реализации своего единственного места в бытии, из напряженной вненаходимости и неслиянности с Другим – как «ответственный поступок» (в терминах М.М. Бахтина). Собственное «слово» здесь проявляется постепенно из «чужих» «слов», что и позволяет выявлять себя в Другом, утверждая саму жизнь как бытие.

Разветвленность возможных позиций Другого и типов взаимоотношений с Другим и его «словом» в произведениях Н.С. Лескова свидетельствует о том, что уже в 60-е гг. XIX в. писатель не просто анализирует процессы внутреннего столкновения различных образов себя внутри сознания персонажа, но начинает осмысливать сложные отношения сознательного, бессознательного и подсознательного внутри человеческой личности, репрезентируя эти стихии непосредственно в речи героев. Установка на субъективность, углубление в микромир и через него изображение значимых социальных явлений, введение конфликта непосредственно в структуру высказывания и совмещение в нем конкретно-бытового философско-символического планов – все это дает возможность Н.С. Лескову адаптировать художественные приемы прозы, лирики, драмы и документалистику, сталкивать мифологемы традиционного сознания и личностное мировидение, и в конечном итоге, создавать синкретичную, не поддающуюся однозначной идентификации, прозаическую форму, которая до сих пор не перестает удивлять читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. 504 с.
2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
3. *Жэри К.* Чувственность и преступление в «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова / Русская литература. 2004. №1.
4. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: В 11 т. Т. 1. М., 1956-1958. 508 с.
5. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: В 11 т. Т. 5. М., 1956 -1958. 609 с.